

Изучение Тайваня в России (1990-е гг.)*

© 2012

А. Ларин

Открыв для себя Тайвань в 90-е гг. XX в., российские ученые смогли создать картину важнейших составляющих тайваньской проблематики, выявить тенденции развития ситуации на острове и вокруг него, начиная с «межбереговых» отношений, определить оптимальную позицию России по тайваньскому вопросу и его значение для нас.

Ключевые слова: изучение Тайваня в России, российско-тайваньские связи, Тайвань в российско-китайских отношениях.

Открытие Тайваня. 1990-е гг. стали для российской науки периодом открытия Тайваня. До этого тайваньская тематика в силу политической конъюнктуры и идеологических соображений, обусловленных "холодной войной" и сложными отношениями СССР с КНР, в течение длительного времени находилась под запретом. Единственно, что допускалось и даже поощрялось — это изображать Тайвань в соответствии с типичными для СССР того времени убеждениями как "непотопляемый авианосец" США, а Чан Кайши — как "американскую марионетку"¹. Однако даже в этих обстоятельствах российским ученым иногда удавалось создавать объективные научные труды, посвященные Тайваню. Самым крупным из них, правда, далеким от злобы дня, была монография Ф.А. Тодер "Тайвань и его история (XIX в.)"². Одна из глав в книге А.В. Меликсетова "Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949)"³ вопреки заголовку была посвящена периоду после перебазирования Гоминьдана на Тайвань.

В конце 1980-х гг. в условиях ослабления идеологических запретов внимание исследователей не могли не обратить на себя экономические успехи "четырёх тигрят" Азии. Был опубликован ряд работ, в которых наряду с достижениями Южной Кореи, Сянган и Сингапура достаточно объективно (впрочем, без особых восторгов) рассматривалось и "тайваньское экономическое чудо"⁴. В тот же период увидела свет первая политическая биография Чан Кайши⁵, выдержанная, впрочем, в сугубо критических тонах.

В новой России у ученых не только появилась возможность, но и возникла потребность свободно изучать запретный прежде Тайвань, от сотрудничества с которым в тот момент ждали многого. Ожидания были взаимными, и стороны быстро наладили контакты, в том числе научные. Деятельность российских ученых на тайваньском направлении сразу же оживилась. С 1992 г. Институт Дальнего Востока РАН стал публиковать неперiodические выпуски под названием "Тайвань. Краткие справочные сведения" (позже — "Современный Тайвань. Информационно-аналитические материалы").

1993 г. ознаменовался всплеском публикаций по Тайваню. В академических институтах одновременно увидели свет два справочника⁶, журнал "Проблемы Дальнего

Ларин Александр Георгиевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: larin@ifes-ras.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант №12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

Востока" № 5 опубликовал большую подборку материалов о Тайване, в Дипломатической академии МИД состоялась двусторонняя научно-практическая конференция, доклады которой также были опубликованы⁷. Пиком "пускового" периода российского тайвановедения стало издание большого сборника "Современный Тайвань"⁸, большая часть материалов которого была представлена нашему читателю впервые.

Всего в течение 1990-х гг. количество научных публикаций по Тайваню составило, по нашим подсчетам, приблизительно 200 работ. Были изданы и некоторые работы тайваньских авторов, например, Ширли Го⁹. В научных центрах стали проводиться конференции по тайваньской проблематике, в том числе с участием тайваньских ученых. Ведущее место здесь занял ИСАА при МГУ, где в течение многих лет велись исследования по истории Китайской Республики и Гоминьдана, распространенные затем и на ее тайваньский период. В Институте востоковедения РАН и Институте Дальнего Востока РАН были созданы структуры по изучению Тайваня. В организации научной работы по тайвановедению особенно заметную роль сыграл заведующий кафедрой истории Китая ИСАА при МГУ проф. А.В. Меликсетов. Много усилий в этом направлении приложил также руководивший одним из отделов ИДВ РАН проф. Л.М. Гудошников.

Изучение российско-тайваньских связей. Поскольку изучение Тайваня велось с российского "угла", специалистов, естественно, в первую очередь интересовали проблемы двусторонних связей. Открывшиеся возможности их установления поставили российскую общественность перед вопросом: что может дать нашей стране сближение с этим небольшим квазигосударственным образованием, учитывая его экономический потенциал, его намерения, его место в АТР и, прежде всего, отношения с материковым Китаем? До какой степени имеет смысл развивать двустороннее сотрудничество в свете интересов и потребностей РФ?¹⁰

Тайвань представлялся России как ценный торговый партнер и потенциальный крупный инвестор, обладатель крупнейших золотовалютных запасов. Для Тайваня на первом месте стояло желание если не прорвать, то хотя бы ослабить навязанную ему дипломатическую изоляцию, однако он не собирался пренебрегать и торгово-экономическим сотрудничеством и обещал посредничество в выводе российской продукции на международные рынки, где у Тайваня имелись обширные связи.

Однако ожидания обеих сторон оказались завышенными. Указ Президента Б.Н. Ельцина от 15 сентября 1992 г. "Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем" однозначно определил рамки этих отношений как неофициальных, не дипломатических. А на развитии инвестиционного сотрудничества сказалось губительным образом качество инвестиционного климата в России плюс некоторые препятствия политического происхождения, к числу которых можно отнести сложности с выдачей Тайваню правительственных гарантий, предполагающих взаимодействие государственных структур¹¹. Тем не менее, двусторонние торгово-экономические и культурные отношения, достигнув в первой половине 1990-х гг. определенного объема, приобрели стабильный характер с тенденцией к медленному расширению.

Подробное описание истории становления и эволюции этих отношений до конца 1990-х гг. с завидным знанием фактуры и четкостью, даже резкостью оценок сделал сотрудник Института Востоковедения РАН П.М. Иванов (работы которого будут упоминаться ниже). Он же констатировал: "Российско-тайваньские отношения состоялись, стали фактом международной жизни"¹². Вместе с тем, в перспективе, по его мнению, "новых качественных изменений ожидать не приходится, да они и не являются необходимым условием для поступательного движения в консервативных рамках достигнутой стабилизации"¹³. С другой стороны, как отметил М.В. Карпов (ИСАА при МГУ), "у этих отношений есть будущее, факторы, способные привести к их полному прекращению, вряд ли эффективны"¹⁴.

Российские исследователи, как и политики, единодушно признали, что состояние отношений между Москвой и Тайбэем по большому счету лимитируется и будет лимитироваться впредь позицией Пекина. "Развивая свои связи с Тайбэем, Россия ни в коем случае не намерена делать это в ущерб интересам КНР и вопреки официальной позиции КНР по тайваньской проблеме", — писал в журнале "Международные отношения" глава Московского представительства в Тайбэе В.И. Трифонов¹⁵.

Развертывая этот тезис, академик В.С. Мясников (ИДВ РАН) подчеркивал: "Уровень торгово-экономических, научно-технических и культурных связей российских деловых кругов и неправительственных организаций с Тайванем будет зависеть от развития "через-проливных" отношений"¹⁶. На практике эта зависимость, действительно, ощущалась, причем большое значение имела и ее степень. Готовность Москвы считаться с мнением Пекина не означала, что Россия согласна полностью им руководствоваться, поступившись собственными выгодами. Пекин, добиваясь максимальной международной изоляции Тайваня с самого начала 1990-х гг. стремился свести к нулю общение с ним России, что существенным образом противоречило ее экономическим интересам. Кроме того, как отмечал П.М. Иванов, "попытки коммунистического Китая навязать России дополнительные ограничения означали дискриминацию РФ по сравнению с другими странами мира, сотрудничающими с КР"¹⁷. Не удивительно, что российские ученые выступили за более широкое сотрудничество с Тайванем (в границах обязательств перед КНР).

Наиболее обстоятельно высказался на эту тему Ю.М. Галенович (ИДВ РАН). По его мнению, "прекращение, сокращение или замораживание отношений с островной частью Китая только нанесло бы вред нашим национальным интересам"¹⁸, произошедшее в начале 1990-х гг. установление отношений Москва — Тайбэй — это "избавление от ущербности нашей политики в прошлом, неотъемлемая часть становления независимой и самостоятельной политики нашей страны"¹⁹. Рассматривая в теоретико-методологическом плане население материка и острова в виде двух частей одной нации, он расценил установление связей Москва — Тайбэй как "еще один позитивный элемент общей картины отношений наших двух наций — России и Чжунхуа" и предложил строить эти отношения на принципах независимости и самостоятельности, равноправия и невмешательства во внутренние дела, на идеях демократии, свободы, прогресса²⁰.

Важно отметить, что в итоге Москва и Пекин достигли взаимопонимания в том, что "Россия не должна предпринимать никаких серьезных шагов по развитию отношений с Тайбэем без согласия Пекина, а Пекин соглашается не препятствовать развитию неофициальных контактов и торговли"²¹.

Отношения между берегами Тайваньского пролива были, естественно, центральной темой исследований. На протяжении всех 1990-х гг. они оставались весьма напряженными, несмотря на отказ Тайбэя от реваншистских планов Чан Кайши и поворот Пекина к мирному решению проблемы объединения. Главная причина сохранения напряженности заключалась в подъеме на острове сепаратистских тенденций, спровоцированных эйфорией после успешного перехода Тайваня от авторитарного режима к демократической системе. Пекин неоднократно напоминал о возможном применении силы в случае провозглашения Тайваня независимым государством.

Тем не менее, российские эксперты, постоянно следившие за ситуацией в Тайваньском проливе, неизменно приходили к выводу, что использование силы едва ли будет иметь место в силу крайне неблагоприятных для КНР экономических, а также международно-политических последствий, и нынешний статус Тайваня не будет нарушен. А.Г. Ларин (ИДВ РАН), проанализировав факторы, влияющие на состояние тайваньской проблемы, заключил: «В ситуации вокруг Тайваня происходят процессы, одни из которых делают нынешнее положение острова менее устойчивым, другие, наоборот, способствуют закреплению статус-кво... В итоге же, несмотря на нынешнее достаточно напряженное состояние отношений через пролив, положение Тайваня остается достаточно ста-

бильным... В долгосрочном плане указанные процессы работают на перспективу объединения обеих частей Китая»²².

Возможность грядущего объединения Китая российские специалисты, как правило, связывали с ожиданием в отдаленном будущем трансформации китайского общества. «Думается, — писал Л.П. Делюсин (Институт международных экономических и политических исследований РАН), — что дальнейшее осуществление реформ, расширение рыночных отношений, демократизация политической системы благоприятно повлияли бы на процесс решения тайваньской проблемы»²³.

Вместе с тем, в России внимательно исследовали феномен постоянно возрастающего экономического сближения сторон, справедливо полагая, что оно увеличивает заинтересованность Пекина в поддержании стабильности тайваньской экономики, создает мощный императив для смягчения политической атмосферы в Тайваньском проливе и, возможно, будет способствовать объединению. С.Г. Лузянин и Е.И. Сафронова (ИДВ РАН) высказали плодотворную мысль: «На наш взгляд, руководство КНР поступит дальновидно, если усилит свой курс на экономическое **врастание** Тайваня в тело материкового Китая, приглушив императивный тон в переговорах с тайваньским руководством»²⁴. (Позже, в «нулевых», в отношениях через пролив вслед за изменением ряда обстоятельств возобладали именно такая тенденция). В.В. Михеев (ИДВ РАН) предложил: «В свете глобализации перенести внимание пекинских в тайбэйских лидеров с вопроса, кто прав, а кто виноват в длящейся десятилетиями конфронтации, на другой вопрос: как создать Единый рынок и единую экономику в Восточной Азии с участием Японии, Кореи, АСЕАН, может быть, России, а также материкового Китая и Тайваня»²⁵. В.В. Кузнецова (Институт практического востоковедения) высказала предположение, что в конечном счете благодаря процессу углубления экономической интеграции через Тайваньский пролив «между материком и островом сформируется «естественная» экономическая территория, в рамках которой государственные границы полностью утратят свое значение»²⁶.

Рассматривались также возможности сотрудничества обеих частей Китая в вопросах международной безопасности (Ю.В. Цыганов²⁷, В.Г. Гельбрас²⁸). А.В. Воронцов (ИВ РАН) отметил, что в призыве Тайваня к созданию региональной системы коллективной безопасности «просматривается общая или близкая основа с видением проблем безопасности и сотрудничества в АТР Москвой»²⁹. Внимание российских специалистов к этому вопросу объяснялось их оценкой тайваньской проблемы как «одной из ключевых проблем в системе обеспечения региональной безопасности»³⁰. Данное обстоятельство, а также интерес к развитию торгово-экономических отношений с Тайванем побуждали российских экспертов, признавая тайваньскую проблему внутренним делом Китая, вместе с тем, неизменно высказываться в пользу мирных способов ее решения.

Интересно, что российские эксперты почти ничего не писали об американо-тайваньских отношениях. По-видимому, дело заключалось в том, что позиция США, при всех ее подвижках, по большому счету оставалась константой. Среди немногих исключений здесь можно назвать статьи А.В. Ломанова (ИДВ РАН)³¹ и сотрудника Института США и Канады РАН С.М. Труша³².

В качестве важного в долгосрочном плане компонента отношений через пролив в России исследовалась модернизация Тайваня как модель развития для материкового Китая. История тайваньской модернизации как будто бы подтверждала тезис о том, что расширение рыночных отношений ведет к демократизации политической системы, а в рыночных реформах в КНР проглядывало определенное повторение тайваньского опыта. А.В. Меликсетов писал по этому поводу: «Сегодняшний Тайвань демонстрирует кое-что существенное из будущего развития КНР и позволяет лучше представить и понять, в частности, логику политического развития КНР... Второй исторический социальный эксперимент на Тайване завершен. Дело теперь за КПК — надо сделать правильные выводы!»³³. Вместе с тем, Л.М. Гудошников и К.А. Кокарев предостерегали от упрощений:

«Проецировать опыт 20-миллионного острова на страну с более чем миллиардным населением вряд ли корректно»³⁴. Добавим, что, на наш взгляд, прямое заимствование тайваньского опыта материком невозможно не столько из-за несоответствия масштабов, сколько из-за различий в условиях, к которым прежде всего относится разрыв в уровнях жизненных стандартов.

Сопоставление путей развития Тайваня и материкового Китая подводило исследователей к вопросу: сокращается или увеличивается с течением времени разница между их общественными системами? К.М. Барский (МГИМО) обнаружил по обе стороны Тайваньского пролива «первые признаки тенденции конвергенции политсистем», а именно: в КНР — «неуклонное возвращение страны на магистральный путь развития китайской цивилизации», а на Тайване — шаги с целью «стабилизации политсистемы, развития конструктивного начала во взаимодействии различных политических сил на благо государства». Автор выдвигал предположение, что «конвергенция политических культур, а может быть, и политических систем постепенно создаст уникальные условия для развития нормального диалога, поиска путей урегулирования тайваньской проблемы»³⁵. С высоты наших сегодняшних знаний очевидно, что указанная конвергенция была достаточно поверхностной и пока еще не получила продолжения.

Политические процессы на Тайване. Среди работ на данную тему наиболее значительной является уже упоминавшаяся монография Л.М. Гудошниковой и К.А. Кокарева «Политическая система Тайваня»³⁶. В монографии дан тщательный структурный и функциональный анализ основных политических институтов острова и их эволюции с конца 40-х гг., подробно рассмотрены центральные и местные органы управления, избирательная система, политические партии, история Конституции.

В числе движущих сил демократического процесса на Тайване авторы называют: общее изменение международного климата, начатое перестройкой в СССР; становление КНР на путь реформ, ослабившее конфронтацию между Пекином и Тайбэем; влияние США с их нелюбовью к тоталитарным режимам; реформаторские усилия как «сверху» так и «снизу», включая лагерь оппозиции.

Полезным дополнением к монографии послужила подготовленная теми же авторами книга «Многopартийность на Тайване»³⁷, содержащая уставы основных политических партий.

Отдельные аспекты эволюции политической системы Тайваня из числа рассмотренных выше разрабатывались более подробно в статьях Г.А. Степановой³⁸ (ИДВ РАН) и других авторов. В то же время ряд исследователей подверг анализу иные стороны многогранных и неоднозначных политических процессов. Э.О. Батчаев (ИДВ РАН) выступил с тезисом: хотя в тайваньской политической культуре «по-прежнему сильны архаичные, авторитарные черты, вместе с тем в политической практике острова явно закрепились важные демократические стереотипы и соответствующие демократическим ценностям политические ориентации»³⁹.

Ряд статей был посвящен актуальной для российского читателя теме коррупции. А.Н. Карнеев (ИСАА при МГУ) в своих статьях показал, что демократизация на Тайване сопровождалась расцветом теневых отношений — оргпреступности, махинаций с общественными фондами и т.п. (так называемое «черное золото»); этот феномен есть «продукт определенных условий эволюции общества», вследствие чего «борьба с такими явлениями потребует, вероятно, больше времени, чем предполагалось, и не будет ограничиваться только областью правоохранительной деятельности»⁴⁰. В.А. Козырев (ИСАА при МГУ) проанализировал огромную роль местных группировок, по сути своей неполитических, с которыми, однако, вынуждены считаться в борьбе за влияние все политические партии⁴¹.

Важнейшим событием в политической жизни острова стадии президентские выборы 2000 г., по итогам которых впервые за всю его послевоенную историю произошла

смена правящей партии. Это было сделано безупречным конституционным путем, и российские эксперты расценили результат выборов как свидетельство зрелости тайваньской демократии.

Экономическое развитие Тайваня. На этом направлении исследований в 1990-е гг. появились две крупных по теме монографии. А.А. Максимов (Институт востоковедения РАН) в своей пионерской работе⁴² рассмотрел важнейшие аспекты экономического развития острова, начиная со времени японской колонизации и до конца 1980-х гг. Отдельную главу он посвятил роли государства в экономике Тайваня, что представляло особый интерес для российской общественности, переживавшей в тот момент период болезненный процесс ломки советской плановой системы. «Если бы не активное воздействие государства на формирование отраслевых, технологических и социальных пропорций производственного процесса, то, безусловно, рыночное саморегулирование осуществлялось бы с огромными социальными и экономическими издержками», — доказывал автор⁴³.

Монография А.В. Островского «Тайвань накануне XXI века»⁴⁴, будучи подготовлена профессионалом-экономистом, вышла далеко за рамки экономики Тайваня, охватывая фактически все основные аспекты внутренней жизни острова, его отношения с материком и международные связи. Квинтэссенция впечатляющего прогресса Тайваня, по мысли автора, заключается в следующем: «В 80-е годы на Тайване была сделана попытка объединить возможности рыночной экономики, которую с 50-х годов насаждали США, а ранее Япония, и плановой экономики... Именно большие экономические достижения позволили Тайваню провести политические реформы и осуществить либерализацию политической жизни. И именно такая последовательность реформ — сначала экономические, а затем на базе достижений экономических реформ — политические — позволила говорить о «тайваньском чуде»⁴⁵.

По мнению автора, тайваньская экономика «в основе своей выстроена на принципах ленинского нэпа». В настоящее время в России могут быть использованы отдельные элементы тайваньского опыта, в том числе: передача земли в руки тех, кто ее обрабатывает, создание научно-технических парков, борьба с инфляцией одновременно с защитой сбережений населения, внедрение тайваньской экзаменационной системы при найме на работу в государственные структуры. «Государство должно держать под контролем те отрасли экономики, которые имеют определяющее значение для судеб страны, и обеспечивать социальную защиту населения»⁴⁶.

Помимо монографий, ряд важных исследований российских ученых нашел свое отражение в научных статьях. Назовем здесь для примера работы В.Г. Гельбраса «Экономические связи с материковым Китаем как фактор модернизации Тайваня»⁴⁷, Э.О. Батчаева «Тайваньский опыт приватизации предприятий общественного сектора»⁴⁸, В.В. Кузнецовой «Малый и средний бизнес Тайваня в условиях глобализации»⁴⁹, О.Н. Борох «Экономическая мысль современного Тайваня: взгляд из России»⁵⁰. В.А. Мельянец (ИСАА при МГУ) в статье «Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития» развивал ту мысль, что «главным образом успех Тайваня определялся ответственной *проактивной* политикой правительства, — и заканчивал цитатой: «Нет бедных и богатых стран, есть только плохо и хорошо управляемые страны»⁵¹. В.А. Козырев показал, что специфика кризиса 1998 г. на Тайване «во многом определялась особыми отношениями в рамках модели «партийно-государственные элиты — предпринимательские круги», постоянно воспроизводящей элементы «кумовского» капитализма»⁵².

«Модернизация Тайваньского общества» — таково название монографии, в которой В.Г. Буров (Институт философии РАН) развил комплексный подход к названной теме, рассматривая не только политическую и экономическую модернизацию, но и уделяя особое внимание ее идеологическим аспектам. Последнее и составляет яркую особенность книги. Сопоставляя модернизационные процессы на материке и на острове, проводившиеся на едином этническом «материале», автор делает вывод: на Тайване на-

чали раньше и ушли гораздо дальше в использовании в интересах модернизации конфуцианских этико-политических традиций. На Тайване «идея развития соединяется с собственным социокультурным комплексом, именно он служит духовной основой модернизации», несмотря на очевидное влияние западной, американской культуры⁵³. В Китае же этому препятствует утверждение марксизма в качестве государственной доктрины, и потому там перед обществом возникла непростая задача «синтеза конфуцианства и марксизма, который (синтез) «вполне возможен, учитывая совпадение некоторых их идейных установок»⁵⁴.

История Тайваня нашла свое отражение в очерке П.М. Иванова⁵⁵, остающимся до нынешнего времени ее наиболее цельным и полным изложением. Небольшое количество исторических сюжетов было рассмотрено в работах В.А. Козырева⁵⁶, Н.Л. Мамаевой (ИДВ РАН)⁵⁷. Чуть больше публикаций было посвящено различным эпизодам из истории российско-тайваньских отношений: работы В.А. Корсуна (МГИМО)⁵⁸, А.Н. Хохлова (ИВ РАН)⁵⁹, М.Ф. Чигиринского⁶⁰.

Одна из глав в монографии Ю.М. Галеновича «Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши»⁶¹ была отведена тайваньскому периоду деятельности китайского лидера. В ней автор опровергает представление о Чан Кайши как об американском «ставленнике» на якобы «оккупированном» США острове.

К истории и Тайваня, и российско-тайваньских связей можно отнести монографию А.Г. Ларина «Два президента, или путь Тайваня к демократии»⁶² — политическую биографию Цзян Цзинго и Ли Дэньхуэя на фоне широкого круга исторических событий. Книге придает специфический привкус описание ряда советских реалий, перенесенных усилиями Гоминьдана и, в частности, Цзян Цзинго на китайскую, а позже на тайваньскую почву. Другая ее особенность — постановка некоторых теоретико-методологических проблем. Что заставило прочно утвердившийся диктаторский режим с его экономическими успехами начать преобразование самого себя в многопартийную систему? Заставили, помимо определенных внешних факторов, именно эти экономические успехи. Экономический прогресс сопровождался возникновением значительного слоя интеллигенции, формированием мощного класса предпринимателей и менеджеров из частного сектора — они и стали движущей силой демократизации.

Чем объяснить «гладкость» тайваньского взлета, прошедшего без «великих потрясений»? Тому есть несколько причин: изначальное существование в исходном обществе среднего класса; наличие в этом обществе альтернативных выборов в местные органы власти; учение Сунь Ятсена с его настроением на сотрудничество всех слоев общества; чувство ответственности элиты за единство общества в условиях внешних вызовов.

Не осталась без внимания российских специалистов и *духовная культура* Тайваня. А.В. Ломанов в своих работах, посвященных философским вопросам, показал, что «тайваньские философы находятся внутри потока развития современной китайской культуры, вместе с тем их характеризует открытость идеям современной западной философии, профессиональность в исследованиях»⁶³. По его мнению, одной из задач ученых на Тайване, как и на материке, должно стать «подведение прочных демократических оснований под конфуцианские идеалы социальной гармонии и равенства людей»⁶⁴. Любопытно, что в те же годы Л.А. Переломов (ИДВ РАН) задался непростым вопросом: существует ли тайваньское конфуцианство?⁶⁵ Похожий вопрос был поставлен филологом В.Ф. Сорокиным: существует ли «тайваньская литература»?⁶⁶. Из двух возможных ответов: «тайваньская литература является самостоятельной» и «она является особой, но органичной частью великой китайской культуры» автор признал правильным второй и в дальнейшем уже исходил из этой посылки⁶⁷. Пласт аборигенной литературы поднял Б.Л. Рифтин⁶⁸.

Изучение культуры Тайваня включало также в себя труды по тайваньской кинематографии (монография С.А. Торопцева⁶⁹, ИДВ РАН), изобразительному искусству (Е.В. Завадская⁷⁰, ИВ РАН), религии (П.М. Иванов⁷¹, К.М. Тертицкий⁷² — ИСАА при МГУ).

Тайваньской тематике прибавили широты публикации по *этнографии* (труды А.М. Решетова⁷³, Д.А. Жоголева⁷⁴ из ИДВ РАН) и многие десятки других работ, рассказать о которых не позволяет ограниченный объем данной статьи.

В 1990-е гг. российские ученые, открыв для себя Тайвань, смогли создать картину важнейших составляющих тайваньской проблематики, выявить тенденции развития ситуации на острове и вокруг него, начиная с «межбереговых» отношений, определить оптимальную позицию России по тайваньскому вопросу и его значение для нас. Были сформированы оценки по основным аспектам тайвановедения и по целому ряду более частных. Это было осуществлено в условиях недостатка информации, небольшими силами, главным образом китаеведов, нехватка которых не позволила сделать большего на этом важном направлении синологии.

1. См., например: *Барышников В.Н.* Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях (1949–1958). М., 1969. 270 с.; *Капустин Д.Т.* Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях (1969—1979). М., 1980. 197 с.
2. *Тодер Ф.А.* Тайвань и его история (XIX в.) / Отв. ред С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. 338 с.
3. *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М. Наука, 1977. 317 с.
4. *Сычева В.А.* Труженики четырех "маленьких драконов". М.: Наука, 1991. 135 с.; *Шин И.А.* Новые индустриальные страны Азии. Социально-экономические сдвиги и рабочий класс. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 180 с.; *Мостовая Н.А.* Экспортная индустриализация и структурные сдвиги в экономике "новых индустриальных стран Азии. Хабаровск, 1986.
5. *Воронцов В.Б.* Судьба китайского Бонапарта. М., 1989. 336 с.
6. Тайвань: Справочник для деловых людей / Алексахина С.Н. и др. М.: Фабула, 1993. 192 с.
7. Тайвань: Справочник / Тригубенко М.Е. и др. М.: Наука, 1993. 115 с.
8. Современный Тайвань / Отв. ред П.М. Иванов. Иркутск: Уллис, 1994. 350 с.
9. Го Ширли В.Н. Экономическая политика Тайваня. М.: Муравей-Гайд, 1999.
10. Четким примером такого подхода может служить статья: *Писарев А.* «Два берега Китая» и интересы России // *Pro et contra*. М., 1998. Т. 3, № 1. С. 101–114.
11. Подробнее см.: *Мозиас П.* Перспективы инвестиционного сотрудничества России с Тайванем // *Финансы и бизнес*. М., 1997. № 4. С. 39–42.
12. *Иванов П.М.* Современное состояние российско-тайваньских отношений // Тайваньский пролив в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом контексте / Моск. обществ. науч. фонд. Федерация мира и согласия. М.: Academia, 1998. С. 40.
13. *Иванов П.М.* Некоторые проблемы развития российско-тайваньских отношений на современном этапе // Сб. докл. конф. "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 49.
14. *Карпов М.В.* Эволюция пекинского фактора в треугольнике отношений Москва — Пекин — Тайбэй // Сб. докл. конф. "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 58.
15. *Трифонов В.* Российско-тайваньские контакты // *Международ. отношения*. 1998. № 6. С. 53.
16. *Мясников В.С.* Стратегическое взаимодействие России с Китаем и проблема Тайваня // Пробл. модернизации Тайваня. Материалы науч. конф. 8 дек. 2000 г. Москва / ИДВ РАН. Ассоциация китаеведов. Сост. А.Г. Ларин. М., 2001. С. 12.
17. *Иванов П.М.* Некоторые проблемы развития российско-тайваньских отношений на современной этапе... С. 45.
18. *Галенович Ю.М.* Тайвань — отрезанный ломоть Китая? // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы науч. конф. 4 мая 2000 г. / МГУ. ИСАА. Сост. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 2000. С. 102.

19. Галенович Ю.М. Углубление взаимопонимания — ключ к развитию сотрудничества России и Тайваня // Сб. докл. конф. "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 24.
20. Галенович Ю.М. Москва — Пекин, Москва — Тайбэй: новое начало / Информбанк ИДВ РАН. М., 1994. С. 96, 97.
21. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII—XXI вв. М., 2007. С. 463.
22. Ларин А.Г. Отношения «через пролив»: некоторые итоги и перспективы // Пробл. модернизации Тайваня. Материалы науч. конф. 8 дек. 2000 г. Москва / ИДВ РАН. Ассоциация китаеведов. Сост. А.Г. Ларин. М.: Памятники историч. мысли, 2001. С. 40.
23. Делюсин Л.П. Выступление по докладу проф. Чжэн Шу-пина // Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива (материалы конф.) / Центр по изучению Тайваня ИВ РАН. Ин-т по изучению коммунистич. Китая (Тайбэй). М., 1997. С. 16.
24. Лузянин С.Г., Сафронова Е.И. Некоторые социально-политические аспекты тайваньской действительности на рубеже веков // Пробл. модернизации Тайваня. М., 2001. С. 112.
25. Mikheev V. Mainland China — Taiwan relations in the light of globalizarion // Там же. С. 29–30.
26. Кузнецова В.В. Экономические связи Тайваня с КНР: проблемы безопасности острова // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы науч. конф. 4 мая 2000 г. / МГУ. ИСАА. М.: Гуманитарий, 2000. С. 279.
27. Цыганов Ю.В. Тайвань в структуре региональной безопасности Восточной Азии. М., 1999. 152 с.
28. Гельбрас В.Г. Проблемы международной безопасности в Тайваньском проливе // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 131–142.
29. Воронцов А.В. Тайбэй — Пекин — международное сообщество // Тайваньский пролив в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом контексте / Моск. обществ. науч. фонд. Федерация мира и согласия. М.: Academia, 1998. С. 84.
30. Цыганов Ю.В. Тайвань в структуре региональной безопасности Восточной Азии. М.: Academia, 1999. С. 35, 118.
31. Ломанов А.В. Военно-технические вызовы президентству Чжнь Шуй-бяня // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 143–151.
32. Труш С.М. Эволюция трехсторонних отношений США — КНР — РФ и проблема Тайваня // Там же. С. 152–154.
33. Меликсетов А.В. Тайваньский прецедент // Там же. С. 7, 9.
34. Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. М.: Комрам, 1999. С. 193.
35. Барский К.М. Эволюция политической системы Тайваня: последствия для геополитической ситуации в АТР // Сб. докл. конф. "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 108, 109.
36. Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. М.: Комрам, 1999. 200 с.
37. Многопартийность на Тайване / сост. Л.М. Гудошников. М.: Вост. Лит., 1999. 160 с.
38. Степанова Г.А. Модернизация партийной системы на Тайване // Пробл. модернизации Тайваня: Материалы науч. конф. 8 дек. 2000 г. Москва. М., 2001. С. 120–133.
39. Батчаев Э.О. Становление демократической политической культуры на Тайване // Там же. С. 144–145.
40. Карнеев А.Н. Перипетии борьбы с «черным золотом» на Тайване после президентских выборов // Там же. С. 164, 165; См. также: Карнеев А.Н. Президентские выборы на Тайване, проблемы «черного золота» и политической трансформации // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 192–223.
41. Козырев В.А. Феномен местной фракционности» и демократизация на Тайване // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 224–245.
42. Максимов А.А. Экономика Тайваня: итоги и перспективы развития. М.: Наука, 1991. 209 с.
43. Там же. С. 129.
44. Островский А.В. Тайвань накануне XXI века. М.: Наука, 1999. 224 с.
45. Там же. С. 11.
46. Там же. С. 200.

47. Проблемы модернизации Тайваня. М., 2000. С. 57–69.
48. Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 3. С. 95–100.
49. Проблемы модернизации Тайваня. М., 2000. С. 70–79.
50. Сборник докладов конференции «Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 112–129.
51. Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 282–291.
52. «Местный финансовый кризис» на Тайване 1998–1999 гг. и его особенности // Проблемы модернизации Тайваня. М., 2001. С. 80.
53. Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества / РАН. Ин-т философии. М., 1998. С. 212.
54. Там же. С. 197.
55. Иванов П.М. Очерк истории Тайваня // Современный Тайвань. Иркутск, 1994. С. 28–86.
56. Козырев В.А. Гоминьдан и разработка послевоенной экономической политики на Тайване (1945–1949) // Гоминьдан и Тайвань: история и современность. Материалы науч. конф. 23 апр. 1999 г. / ИСАА при МГУ. Ред.-сост. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 1999. С. 47–63.
57. Проблема исторической преемственности и политика Гоминьдана на Тайване // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 57–66.
58. Корсун В.А. Пекин и Тайбэй в борьбе за «советское наследство» // Сб. докл. конференции "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 130–134.
59. Хохлов А.Н. Исторические связи России с Тайванем (до 1917 г.) // Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем: Материал междунар. конф. М.: Дипломат. Академия МИД РФ, 1993. С. 123–124.
60. Чигиринский М.Ф. Путешествие С.Г. Елисеева на Тайвань // Маклаевские чтения. СПб, 1992. С. 28–31.
61. Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М.: Муравей, 2000. 359 с.
62. Ларин А.Г. Два президента, или путь Тайваня к демократии. М.: Academia, 2000. 199 с.
63. Ломанов А.В. Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы // Пробл. Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 130.
64. Ломанов А.В. Тайвань на рубеже веков: философские традиции и культурная идентичность // Гоминьдан и Тайвань: история и современность. Материалы науч. конф. 23 апреля 1999 г. / ИСАА при МГУ. М., 1999. С. 161.
65. Переломов Л.А. Существует ли тайваньское конфуцианство? // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI века. М., 1997. Ч. 2. С. 35–39.
66. Сорокин В.Ф. Существует ли «тайваньская литература»? // Пробл. Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 129–137.
67. Сорокин В.Ф. Об особенностях развития региональной литературы на Тайване // Пробл. модернизации Тайваня. М., 2000. С. 183–189.
68. Рифтин Б.Л. Предания о злых духах фольклоре аборигенов Тайваня // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М., 1998. С. 44–60.
69. Торопцев С.А. Кинематограф Тайваня. М., 1998. 199 с.
70. Завадская Е.В. Тайваньский постмодернизм (1981–1992) // Пробл. Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 138–148.
71. Иванов П.М. Христианство на Тайване // Гоминьдан и Тайвань: история и современность. М., 1999. С. 137–146.
72. Тертицкий К.М. Синкретические религии на Тайване // Гоминьдан и Тайвань: история и современность. М., 1999. С. 119–136.
73. Решетов А.М. Современные этнокультурные процессы на Тайване // Маклаевские чтения. СПб., 1992. С. 41–46.
74. Жоголев Д.А. Малые народности Тайваня // Пробл. Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 108–117.